

Василий Гурковский

Паломники

*Паломник-не
турист... Как и турист
— не паломник.*

*Вера, по сути, —
есть ПРОДОЛЖЕНИЕ
Жизни. Продолжение
Жизни человеческой, без
Веры, по большому
счету, —
нежизнеспособно,
бессмысленно.*

Василий Гурковский

Глава первая

В воскресный декабрьский день, у входа в главные ворота церковного двора, Ксения встретила двоюродную сестру своего мужа, Ольгу. Так случилось, что они шли друг другу навстречу: Ксения, помолившись и поставив свечи за здоровье и упокой — спешила домой, да и на рынок надо было заскочить, а Ольга — только входила на территорию церкви и тоже спешила успеть, хотя бы

на часть утренней службы.

Они радостно обнялись, давно не виделись и на ходу перекинулись парой фраз. Ольга посетовала, что опоздала к началу утренней службы, из-за того, что паром через реку перестал ходить. Днестр по-над берегами прихватило льдом, людей собралось много, особенно с правого берега — из Копанки, Кременчуга, Кицкан, да и сел подальше. Кто на рынок, кто в церковь, кто в гости, а лодка, на которой паромщик перевозил людей, хоть и большая, но одна. С обеих сторон очереди образовались. Хорошо, если лед по реке скоро встанет, а если так и будет — то заморозок, то слякоть, — так и будут люди мучиться с переправой.

Ольга спешила и, уже направляясь к входу в церковь, крикнула: «Кума Ксения! Если вы на святой вечер (6 января) не принесете к нам «вечерю», вместе с крестницей нашей — Марией, мы на вас действительно очень обидимся! Вы всегда отговаривались, что, мол, далеко, что она маленькая и т. п., но ей уже восьмой год скоро пойдет, так что ждем вас с вечерей обязательно! Отпустите скорее местных «вечерников» — и прямо к нам! Ольга вошла в церковь, а озадаченная Ксения, еще несколько минут стояла у ворот, осмысливая её приглашение на «вечерю».

Семья Ольги, вот уже несколько лет,

проживала на хуторе Кременчуг, так называемых слободзейских «выселках». Хутор этот стоял на высоком холме по правому берегу Днестра, примерно посредине расстояния между селом Копанка и рекой Днестр. Со всех четырех сторон, холм окружал густой плавневый лес. Никто этот лес не сажал, сама Природа заполнила разно породными деревьями и кустарниками свободное плодородное пространство, минимум дважды в год, (весной, в половодье и летом — в период таяния снегов в Карпатских горах, откуда берет начало Днестр), полностью заливаемое водой. Дубы и ясени, тополя и вербы, акации и осины, плодовые деревья-дички разных видов и еще много-много всего, что росло в этих местах и давало семена, — было беспорядочно рассеяно по этой пойме между старым и новым руслами Днестра.

Многие годы, жители села Слободзеи, добиваясь выделения в пользование лесных участков на правом берегу, постепенно облагораживали отдельные места. Выкорчевывали лес, распахивали земли, высаживали различные уже окультуренные плодовые насаждения, приспособлялись, после летних наводнений — выращивать кормовые культуры, особенно корнеплодные, а также- картофель, кукурузу и все то, что укладывалось в сокращенные вегетативные сроки. Богатейшая наносная, лессовая почва —

способствовала высоким урожаям.

Надо признать, что желающих осваивать эти пойменные леса в те времена, было не так много и основной причиной этому были вышеуказанные наводнения. Весной и летом, хутор Кременчуг превращался в остров, добраться до которого можно было только на лодке. Потом вода уходила, но оставалась донная грязь, размытые дороги и заполненные водой канавы, балки, ямы и тому подобное. Все это, и проблемы с возделыванием почвы, не слишком привлекало деловых людей, у которых было чем, кому и как, работать, ну а тем, кто не имел какой-то базы — там вообще делать было нечего.

Семьи Ксении и Ольги, по жизни были очень близки. И не только потому, что Ольга была двоюродной сестрой мужа Ксении- Семена. Связи этих семей имели многолетние, в первую очередь — дружеские корни, уходящие в далекое прошлое — к их отцам-дедам-прадедам. Во- первых, — их мужья, Семен у Ксении и Степан у Ольги, были не просто друзья, а друзья детства, с малых лет бегавшие босиком по одной улице. Такие друзья часто бывают не хуже (а часто и лучше) родственников. Они вместе ходили в школу, вместе переплывали Днестр, вместе «парубкували»* в молодые годы, вместе защищали, если было надо и кулаками, честь своей улицы и вместе учились

жить у своих предков. Судьба распорядилась так, что и их отцы были всю жизнь друзьями и даже имели одинаковое имя — Никита. Друзьями были и их деды, и прадеды, еще со времен нахождения в Слободзее Черноморского казачьего Войска.

Раньше семьи жили на одной улице. Имели солидные крепкие усадьбы, держали значительные участки земли вне села. Так сложилось, но земли Никиты, отца Семена, были в основном расположены на юго-западе от села, в районе так называемого «Лиманчика», а основные площади, обрабатываемые хозяйством Никиты, отца Степана, были как раз в районе Кременчуга, то есть по ту сторону Днестра. На Кременчуге у Никиты образовалось тоже солидное хозяйство, было довольно много скота, так как там было, где его пасти. Он специализировался на выращивании животных и, естественно- на производстве кормов для них.

От дома Никиты в Слободзее, до его же дома в Кременчуге, было не так далеко, около пяти километров напрямую, но поперек пути бежал Днестр, и это всегда было проблемой, даже с появлением парома. Поэтому, к старости — Никита перешел жить в кременчугский дом, там и закончил свои дни. Дом в Слободзее- был оставлен старшему сыну, а младший сын, Степан, уже женатый на Ольге, тоже перешел жить к отцу, в Кременчуг.

Потом — оба Никиты (отцы), ушли из жизни, Семен остался в Слободзее, в отцовском доме, а Степан освоился в Кременчуге.

В силу этих перемещений, друзья и их семьи, стали гораздо реже видаться. Раньше можно было, хоть ежедневно, забежать на минутку Ксении к Ольге или наоборот, а теперь- вроде бы и недалеко, а когда захочешь- не всегда получается проведать.

Вот и сегодня- хорошо, что так удачно встретились у церкви. «А ведь и правда-согласилась Ксения- мы давно не были у кумовьев!. Они с детьми, нашими крестниками, года полтора назад приезжали, летом, а мы с их крестницей, нашей Марией, были у них, когда они еще жили в Слободзее! Нехорошо. Надо поговорить с Семеном».

Выйдя из церковных ворот, Ксения, пошла на рынок. На площади, у привязи, стояла лошадь с легкой повозкой, на которой Семен привез утром её и своих помощников, с товаром для продажи. «Значит Семен уже приехал из дому за нами» — промелькнуло в голове Ксении и она направилась к торговым рядам. У Семена, на рынке, было постоянное торговое место, — грубый, но крепкий и аккуратный деревянный прилавок, метров на 6–7, подсыпанный и утрамбованный гравием с обеих сторон (продавцов и покупателей), что очень импонировало покупателям. Во все базарные дни,

прилавок не пустовал, был заполнен разнообразным товаром, пару помощников Семена — торговали, а третий — производил все расчетные операции. Ксения издалека увидела Семена, о чем-то беседующего с тем самым «третьим», Акимом, который был кем-то вроде управляющего делами при Семене и курировал многие деловые и торговые связи хозяина, с разными людьми. Аким как раз докладывал Семену о ходе торговли по текущему дню. Семен вывез сегодня на рынок два столитровых бочонка белого и красного вина, несколько видов мяса, десятка два банок ряженки, сало свежее и соленое, подсолнечное масло, кадушку соленых грибов и кое-что по мелочи. Торговля шла бойко, продукцию от Семена знали не только в Слободзее; знали уровень её качества и отношение продавцов.

Когда приехали домой, Ксения рассказала мужу, что встречалась с кумой Ольгой, и, что та пригласила их в гости, на «святой вечер», обязательно с крестницей Марией. Семен выслушал жену внимательно и не раздумывая, сказал: «А что — они правы, мы у них вообще редко стали бывать в Кременчуге, а с дочкой- так еще ни разу не были. Если только станет лед — поедем обязательно. Или вдруг потеплеет и паром запустят. Но вряд ли это скоро будет. В общем — надеемся на мороз, на лодку надеяться не будем!». Потом приказал Акиму

приготовить сани-розвальни, соответствующую упряжь, чтобы, если станет лед по Днестру, можно было проехать на Кременчуг.

С погодой повезло. Редко так бывает в нижнем Приднестровье, но в ту зиму — в декабре, вдруг, — резко похолодало, снег покрыл землю больше, чем на ладонь. С неделю по Днестру плыли разновеликие льдины, а к новому году, реку полностью сковало льдом. За пару дней до Рождества Христова, Семен специально, сам проехал верхом на лошади вдоль берега, в нескольких местах выходил на лед и видел, как через реку, в обе стороны, передвигались люди. Кто на санях, кто на повозках, а кто и просто пешком. Значит, лед уже окреп, устоялся и по нему можно передвигаться, без всяких опасений. Дома он заявил Ксении, что в «Святой Вечер», после обеда — они, вместе с дочкой Марией, повезут традиционную «вечерю» к кумовьям на Кременчуг. И Ксения и, особенно, Мария, с радостью восприняли это известие и начали заранее собираться: — что одеть, что взять с собой, чтобы поиграть там с детьми, и что — взять из подарков.

У Семена была неплохая конюшня — восемь пар рабочих лошадей, десять пар волов, но, для поездки в Кременчуг, он выбрал молодого «непарного» жеребчика- четырехлетку, черного, как смоль, по кличке ВОРОН. Его, годовалым

жеребенком, подарил Семену его тесть, из Одессы, отец Ксении, к одному из юбилеев их свадьбы. Тесть был зажиточным купцом — конезаводчиком, поставлял лошадей на заказ солидным одесским людям, понимал толк в лошадях и в племенном деле. Он подарил жеребенка, вместе с паспортом, подтверждающим его породное происхождение. Подросший — статный, красивый жеребец, со временем, был хорошо объезжен под верховую езду, иногда его запрягали в двуколку, на которой Семен бывало, выезжал по делам в волость (на молдавскую часть села), или — вместе с Ксенией — в церковь. А в основном его использовали по прямому назначению- воспроизводству. Племенной жеребец покрывал нужды хозяйств Семена, Степана, да и вообще был один на половину села, что приносило Семену не только уважение, но и дополнительный доход. Услуги жеребца, те, кто имел потребность в этом, оплачивали натурой, понятно, — не жеребятами, а телятами, поросятами и другими товарами, по оговоренным заранее обменным «курсам».

Семен решил дать размяться «Ворону». Здесь недалеко, нагрузка на легкие сани-розвальни — небольшая, — пусть пробежится по такой погоде.

6 января, конюх запряг «Ворона» в сани, сделал несколько кругов по большому двору, выехал на улицу, проехал на разных режимах пару

раз туда-сюда по улице, давая привыкнуть коню к саням, распряг его и доложил Семену, что экипаж, в принципе, готов к поездке. После обеда — Семен, Ксения и Мария, — отправились в Кременчуг. Через Днестр переехали в районе летнего сельского пляжа. Почему-то во все времена, именно на 6 января, в тех местах, всегда начинает падать снег. Такой тихий, спокойный, мохнатый, с беспорядочно летящими снежинками — то вверх, то вниз, на фоне темно — синего небосвода и какой-то теплый, обвораживающее сказочный. Температура — около нуля, дорога белая, сливается с окружающим пространством, деревья — огромными белыми шапками нависают над узкой дорогой. Чудо! — и тишина, тишина вокруг...

Со всеми сборами и переездом, прошло не больше часа, а гости уже въезжали во двор Степана. Какой-то мужик, большой веточной метлой, очищавший от снега дорожку к дому, поставил метлу и побежал в дом, сообщить хозяину, что приехали гости. Тут же из входных дверей вышли Степан и Ольга. Степан, обняв Семена, принял коня, а Ольга, обняв поочередно Семена и Ксению, подняла из саней, закутанную в стеганое одеяло Марию и понесла её в дом, попутно крикнув Ксении: «Кума, заходите в дом, а, если что надо занести — вон Иван поможет»- кивнула она в сторону мужика с метлой. Люди Степана распрягли